

Сергей ЗВЕРЕВ

Я-ВОР

В ЗАКОНЕ

ФОТОРОБОТ
В ЗОЛОЧЕНОЙ РАМЕ

Я – вор в законе (ЭКСМО)

Сергей Зверев

Фоторобот в золоченой раме

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Фоторобот в золоченой раме / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2017 — (Я – вор в законе (Эксмо))

ISBN 978-5-699-98475-6

Хозяева художественного салона Ирина и Рубен Левицкие больше ценят не сами картины, а доход от их реализации. И не церемонятся в способах обогащения. Легко могут подставить коллег, продав им подделку, за взятку организовать обыск у конкурентов или «заказать» особо несговорчивых. Доказать причастность Левицких к покушению на известного коллекционера поручено следователю Платову. Но это не просто даже при наличии улик. На стороне обвиняемых такая серьезная сила, бороться с которой может или ненормальный, или слишком уверенный в себе человек.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98475-6

© Зверев С. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Зверев

Фоторобот в золоченой раме

*Автор выражает благодарность участникам событий,
послуживших основой данной книги, полковнику полиции Юрию Ковалёву,
майору юстиции Никите Семёнову, майору полиции Михаилу Шпагину.*

© Рясной И., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Часть первая

Семейный подряд

Ирина блистала. Она загадочно улыбалась, сыпала ироничными замечаниями. Она обхаживала клиента.

– Посмотрите на игру света, – она водила рукой рядом с полутораметровым пейзажем в тяжёлой резной золотой раме. – А какое ощущение воздуха. В середине девятнадцатого века каноны классицизма уже тянули искусство вниз, тяжеловесные прорисованные линии, предельная чёткость и детализация. Закостенелость.

– Это верно, – важно кивал похожий на крота-бухгалтера из мультфильма «Дюймовочка» олигарх на рынке молочных продуктов.

– А хотелось движения. Воздуха. К этому через несколько десятилетий придут импрессионисты. А русское искусство пришло раньше, ещё в середине девятнадцатого века. Не случайно русская живопись по ценам в десятки раз выше западной того же периода.

– Даже слишком высоко, – олигарх аж причмокнул. – Восемьсот тысяч долларов.

– Для вас семьсот пятьдесят. Нам ещё важно, чтобы картины уходили не к бездушным торговцам, а к людям, которые их будут ценить.

– Семьсот пятьдесят, – олигарх прокручивал что-то в голове. – Мне надо подумать.

В галерее было светло от света ярких ламп. Ирина Левицкая, невысокая миловидная женщина, увлекала клиента от одной картины к другой, а на всё это с какой-то угрюмой надеждой взирал двухметровый нахохлившийся мужчина в очках.

Процесс охмурения проходил в привычном русле. Ирина блестяще владела этим искусством – она могла быть снисходительной, заискивающей, высокомерной. Клиент должен воспринимать арт-дилера как жреца, которому открыто сокровище для всех, а себя – как посвящаемого.

Проводив клиента до дверей и закрыв за ним дверь, Ирина победно взметнула руку:

– Он наш.

– Ещё неизвестно, – сказал здоровяк Рубен Левицкий, партнёр и по совместительству муж Ирины.

– Видел, как загорелись его глаза, когда он смотрел на «Пейзаж с озером». Это глаза наркомана. Он болен собирательством. Как говорил мой учитель Рубинштейн: «Только шизофреники могут платить такие деньги за старые куски холста, измазанные краской».

– Особенно сомнительного авторства и происхождения, – горько усмехнулся Рубен.

Ирина резко повернулась к нему и обожгла взглядом.

– Чтобы я никогда не слышала от тебя этого!

– Ну а я чего, – стушевался Рубен. – Чего такого сказал?

– Никогда, – настойчиво повторила она, сжав кулаки.

– Да. Ну да. Извини.

* * *

Платов нервно посмотрел на часы. Он опаздывал. Притом опаздывал прилично. А если он опоздает, то... Ой, что будет. Оксана просто его уничтожит – морально, а может быть, и физически.

В этот день шестнадцать лет назад они познакомились. Оксана помнила это прекрасно, тогда как он забывал об этом всё время. И опаздывать в ресторан «Узбекистан» нельзя.

Поэтому стоять в пробке Платов не стал, и его «Жигуль» устремился по окольным улицам и переулкам. Наддал газу – узкая улица была почти пустая.

Бумс. Скрежет. Удар. Звон стекла.

– Ну твою ж мать! – простонал Платов.

Какой-то подколодный гад на синем «ВАЗ-2105», газуя без ума и удержу, вынырнул из переулка справа и, будто специально, пошёл на таран.

Платов, в последний момент краем глаза заметив движение, вывернул руль, поэтому удар получился скользким. «Вражескую» машину развернуло, она ткнулась бампером в столб и заглохла. Её перекосившаяся дверь вылетела от удара. Наружу вывалился смуглый черноволосый заморыш. Упал на колени. Но тут же вскочил и, пошатываясь, ринулся прочь.

– Стой, зверёк! – Платов, злой как чёрт и внутренне уже созревший для насилия и беспредела, выскочил из салона.

Смуглокожий бегун ковылял, хромая, а вовсе не нёсся горной ланью. Платов легко настиг его. Толчком в спину уложил на асфальт и поинтересовался:

– Далеко бежим?

– Да пишел ты, к-а-а-а-зе-ел! – истерично заорал кавказец и попытался вскочить.

Платов уверенным, отработанным движением заломил руку, потом другую, защёлкнул наручники. И ласково осведомился:

– И кто у нас, такой говорливый, сейчас за козла ответит?

– Да пишёл ты, казёл чумазый! – неожиданно блеснул кавказец, видимо, чем-то дорогим ему словом.

– О, как запущено всё.

Платов, вздёрнув за куртку, которая треснула по швам, поставил неудачливого водителя на ноги. Кавказец попытался пнуть его ногой и заработал мощный удар ладонью в лоб – бил Платов ладонью, как кувалдой, рука у борца-вольника тяжёлая.

Платов огляделся. Чем-то знакомая была тачка у камикадзе. Обычная синяя «пятёрка». А вот номер... Да его же только что объявили в розыск! Об этом трещала рация в салоне служебного автомобиля. Угон!

Ну что, опер, не зря день прошёл. Вот так вот палки рубят профессионалы. Идёшь, а она сама падает сверху. Красота... Ну, если не считать погнутой дверцы. И ещё – Оксаны... Ну что за засада! Что делать?

Платов обвёл задумчивым взором угонщика, прикидывая – а не отпустить ли его восwo-яси... Но в мире нет таких причин, которые заставят его отпустить жулика.

Поэтому он горестно вздохнул, взял микрофон автомобильной рации, нажал на тангету и угрюмо произнёс:

– Утёс один. Докладывает оперуполномоченный МУРа Платов. Мною по ориентировке задержан...

В местном ОВД Платову выделили стол в просторном кабинете с зарешеченными окнами, плотно заставленном столами, стульями и сейфами. Там обитал дежурный оперуполномоченный, как и положено человеку при исполнении, расслабленно озабоченный. Тут же был включённый компьютер.

«Начальнику ОВД по району...» – начал довольно быстро барабанить Платов по клавишам.

Когда он оторвался от работы и посмотрел на часы, понял, что пропал. Окончательно и бесповоротно.

Телефон в его кармане истошно завопил: «Пошла эсэмэска. Пошла, пошла. Вот она уже здесь». Старшая дочка установила это безобразие, и гнусный голос теперь пугал коллег, да и самого Платова.

Эсэмэска была короткая:

«Убейся об стену!»

Платов набрал номер. На третий раз Оксана взяла трубку. Холодно сообщила, что она в ресторане, где его не видит. Узнав о ДТП, испугалась, но, услышав, что муж оформляет жулика, отчеканила:

– Всё, Платов, конец тебе...

С бумагами он провозился долго – на улице уже стемнело.

– На двое суток этого Ваху Магомедова закрыли как иногороднего, – сказал молоденький дознаватель. – А потом решать будем, что с ним делать. Статья не тяжкая.

Ну что ж, можно отчаливать. Зверёныш в камере. Больше опера из МУРа он не интересовал – не его уровень. Но что-то в задержанном настораживало.

– Слышь, дружище. Дай-ка переговорить со зверьком, – сказал Платов.

– Да без вопросов, – кивнул дознаватель. – Только без членовредительства.

В тесный дознавательский кабинет завели кавказца и усадили напротив Платова. Задержанного била мелкая дрожь. Он был жалок и запуган.

– Отпустите, – заканючил он и всхлипнул. – Денег дам. Дознаватель не берёт, говорит, вас боится... Брату позвоню. Он много денег привезёт.

– Эх ты, черт нерусский. – Платов потрепал задержанного по щеке, так, что осталось красное пятно. – На тебе условная не снятая судимость. Пакуй чемоданы. Жждалась тебя Колыма.

– Мне нельзя!!! – упрямо повторил Ваха. – Мне в тюрьме смерть! Что делать?

– Колись ещё на пару эпизодов, суд тебе зачтёт чистосердечное раскаяние. Глядишь, колония-поселение нарисуеться. А это далеко не зона.

– Нельзя мне никаких поселений! Нельзя. Отпусти!

– Поздняк метаться, орёл горный.

– Я... Я киллера сдам.

– Что?!

– Мой друг. Должен одного лоха завалить. Я эту машину ему должен был подогнать... Я вам друга дарю. Вы мне свободу дарите.

– Расклад понятен. – Платов прикинул варианты. Похоже, парень не врёт. – Когда мочить будете?

– Завтра.

– Что-то ты рановато с тачкой подсуетился.

– Место для отстоя есть. Номера левые есть. А если впритык брать – можно не успеть. Тогда башки лишусь. Аслан строгий...

– Завтра, – Платов задумался. – Ну, до того времени у нас посидишь... Не в камере – в кабинете...

* * *

Машина правосудия начала своё движение. Платов доложил информацию по киллеру начальнику своего отдела, а тот – начальнику МУРа и замначальника главка. Это было уже ночью, но время поджимало, решать надо было быстро.

Большие руководители дали отмашку, распорядились выделить необходимые силы и средства и душегуба «окружать». Исполнителям действовать исходя из ситуации. Вся тяжесть ответственности ложилась на плечи Платова как инициатора и на начальника отдела по заказным убийствам Андрея Rogозина, в чью компетенцию входят такие дела.

Было два варианта. Первый – Ваха выводит оперативников на киллера и того задерживают с оружием. Вот только здесь покушение на убийство, если киллер не расколется и не даст полный расклад, недоказуемо. Останется только незаконное хранение оружия, по нынешним временам статья слабая. И киллер останется на свободе. Вариант второй – проследить за убий-

цей и, когда он выйдет на цель, аккуратненько принять. Платову второй вариант совсем не нравился – если что-то пойдёт не так, киллер может успеть сделать своё дело. И тогда головы всем снимут. Но начальник убойного отдела закусил удила. Ему до зарезу нужен был задержанный с поличным киллер. И для этого он готов на любой риск.

Утром всё пошло как по маслу. Ваха встретился с киллером на юго-востоке Москвы и передал ключи от машины – той самой злополучной «пятёрки», которой в полицейском гараже наспех поправили дверцу. Платов с Rogozinym, устроившиеся в отдалении в служебном «Форде Фокусе», со своей позиции видеть эту встречу не могли, однако её плотно контролировали разведчики из службы наружного наблюдения.

– Ну вот, обнимаются. По плечам друг друга похлопали, – донёсся в рации комментарий опера из «наружки». – Всё, наш человек отвалил в сторону. Объект садится в машину... Начал движение.

– Третий, ведёшь его, – послышался голос старшего бригады наружного наблюдения.

– Понял.

– Пятый, ведёшь с опережением, если он рвануть решит.

– Принято.

Всё, началась гонка с преследованием. Сегодня гоняли клиента пятью экипажами «наружки» – неприметными иномарками и отечественными легковушками с сформированными двигателями. Вели очень аккуратно. Вчера в «пятёрку» вмонтировали радиомаяк и микрофон, так что теперь машина под полным контролем и никуда не денется.

– Идёт в сторону Волгоградки... Чёрт, я его потерял из виду.

– Пятый на связи. Я его перехватил.

– Только не лезь близко.

Фигурант вёл машину аккуратно, соблюдая все правила дорожного движения и скоростной режим. Через четверть часа синяя «пятёрка» въехала во двор, зажатый шестнадцатиэтажными домами.

– Вот оно, место исполнения, – со своей обычной непоколебимой уверенностью выдал Rogozin.

«Пятёрка» остановилась перед элитным домом со стенами, выложенными праздничной разноцветной плиткой, с полукруглыми лоджиями. На стоянке теснились элитные «Мерседесы», «БМВ».

«Форд» выставился достаточно далеко от синей «пятёрки», но вполне удобно – с этой точки была видна часть двора. Платов вытащил массивный армейский бинокль.

Видно было, как вылез из салона «пятёрки» киллер – плотный, с борцовской фигурой, лицом загорелым, обветренным, одет в белую ветровку, потёртые светло-синие джинсы. На плече матерчатая сумка. Он скрылся из виду за машинами и гаражами. Но вскоре опять возник в поле зрения. И начал прогуливаться вдоль элитного дома с видом человека, совершающего утренний моцион.

– Ждёт жертву, хорёк вонючий, – кивнул Платов.

– Дай-ка гляну на голубя сизокрылого. – Rogozin взял бинокль. – Хорош...

Потянулось время ожидания.

– Пятый, не мозоль ему глаза, – слышался в динамике раздражённый голос старшего «наружки». – Куда ты лезешь? Ещё закурить у объекта попроси!.. Четвёртый, не спи!

Тут главное – расставить оперов и спецназовцев так, чтобы клиент не насторожился и вместе с тем чтобы повязать его до того, как он начнёт стрелять.

Минута прошла. Пять. Десять. Четверть часа. Киллер примостился на скамеечке около детской площадки с независимым видом – мол, сижу, курю, никого не трогаю. Но видно, что ожидание тоже давалось ему непросто. Он теребил сумку и время от времени бросал как бы

невзначай напряжённые взгляды в сторону первого подъезда элитного дома. Пару раз посмотрел на часы.

К подъезду подкатила красная «Мазда», из неё вылез водитель – приземистый, лысый как колено субъект – и прислонился к капоту, выставив как щит перед собой букет с розами чуть ли не больше его самого.

– Клиент заёрзал, – отметил Платов, снова наведя бинокль на киллера.

Из подъезда вышла высокая женщина и, оглядевшись, направилась к ожидавшей её красной «Мазде» и букету цветов, почти скрывавшему лысого кавалера. Сразу вслед за ней вышел благообразный, высокий, полноватый мужчина, лет пятидесяти-шестидесяти, в длинном, модном и стильном светло-сером плаще. Огляделся, довольно улыбнувшись ласковому апрельскому солнцу. И направился к стоянке машин.

Киллер поднялся со скамейки.

– Внимание, приготовились к приёму! – резко произнёс в микрофон рации Рогозин.

Киллер направлялся к тому самому подъезду, из которого только что вышли люди. Кто из них цель?

Киллер запустил руку в сумку и начал вытаскивать какую-то компактную стреляющую штучковину типа пистолета-пулемёта.

– Захват! – истошно заорал в рацию Рогозин.

Во двор ворвался фургон с затемнёнными окнами. С двух сторон к киллеру бросились молодые и очень резкие ребята. Один был совсем недалеко от объекта.

– Руки поднял! Полиция!

Внутри у Платова всё оборвалось. Он видел, что ребята не успевают.

По практике – истошный крик и наскок на несколько мгновений парализуют объект, лишают его воли к сопротивлению. Даже прошедшие горячие точки бойцы редко успевают что-то предпринять, когда на захват идёт спецназ.

Но киллер оказался парень не промах.

Вот он отбрасывает сумку прочь. Оборачивается на крик – до ближайшего спецназовца метра три. В руке у киллера компактный автомат с самодельным глушителем.

Платову кажется, что течение времени замедлилось. Старая ковбойская игра – кто первый нажмёт на спусковой крючок.

Грохот выстрела.

Отброшенный пулей, киллер делает два шага назад. Как-то неохотно заваливается на спину. Палец судорожно вжимает спусковой крючок. Хлопает смягчённая глушителем очередь. Но пули уходят куда-то вверх – дай-то бог, чтобы не наделали дел и не пробили кого-нибудь на излёте.

– Готов! – бьёт ладонью по панели Рогозин и заводит машину.

«Форд Фокус» остановился около места стрельбы. Платов выскочил из салона. Спецназовцы склонились над киллером, чьё тело дёрнулось. По нему пробежала судорога. По всему видно – не жилец.

Платов чертыхнулся. Да, пуля дырочку найдёт. Теперь клиента ни одна реанимация не откачает. И допрашивать некого. И, что самое неприятное, про заказчика теперь поведать некому...

Началась привычная суeta после боя. Отовсюду как по волшебству материализуются люди. Здесь и оперативники. И разведчики с «наружки» нервно курят в сторонке – они стараются не светиться, но исправно фиксируют всё на видеокамеру для отчётности. И спецназовцы кружатся – плавно, величаво и с достоинством, как хищники, которые настигли добычу. Привычный хаос. Тут же вылезают любопытные, ротозеи, праздношатающиеся – их отгоняют прочь.

Платов подошёл к распростёртому телу. Рядом с ним лежал пистолет-пулемёт «Скорпион». Из сумки вывалился дополнительный магазин. И чуть поодаль валялась фотография.

Нагнувшись, Платов осторожно взял её. На ней был сухощавый мужчина.

Платов огляделся. И наткнулся глазами на высокого мужчину в светло-сером плаще, который недавно выходил из подъезда, его контролируют двое спецназовцев.

– Андрияха, – Платов хлопнул по плечу Рогозина. – Вон наш исполняемый...

* * *

– Как насчёт кофейку? – Рогозин кивнул на тумбочку, где взгромоздился старенький, дышащий на ладан электрический чайник в окружении чёрных от многолетнего употребления чая чашек и банки кофе «Нескафе». В пластмассовой коробочке с надписью «Сардины» лежали кусочки быстрорастворимого сахара. Типичный натюрморт для оперского кабинета.

– Не откажусь, – кивнул Эдуард Алексеевич Кононенко.

Человек в сером плаще на предложение проехаться до ОВД Чертаново Северное и дать показания согласился без каких-либо пререканий и возмущений – надо так надо. Свой неприлично роскошный «Роллс-Ройс» цвета чёрный алмаз стоимостью полмиллиона евро он спокойно оставил на стоянке около отдела.

С Рогозиным и Платовым он беседовал ровно и доброжелательно. Драму со стрельбой и трупом он воспринял на удивление спокойно.

– Не «Ямайка», конечно, но чем богаты. – Рогозин, разлив кофе по чашкам, продемонстрировал знакомство с элементами хорошей жизни – «Ямайка Блю Маунтин» относится к почитаемым знатоками и не слишком известным обывателю сортам элитного кофе.

– И не такое пили. В жизни всяко бывало, – сказал Кононенко.

– Жизнь вообще штука неоднозначная, – философически изрёк Рогозин, прикидывая, применить какой-нибудь ловкий тактический трюк или в лоб спросить о сути вопроса.

Кононенко кивнул понимающе:

– Я знаю, есть формальности. Но не думаю, что от моих показаний будет хоть какая-то польза. Ваши сотрудники больше меня видели.

– А как по-вашему, что там произошло? – спросил Рогозин.

– Задержание вооружённого преступника. И его ликвидация.

– Всё верно. Но есть нюансы. Преступник был наёмным убийцей. Нейтрализован на месте исполнения заказа. И главный вопрос – кому предназначались его пули?

– И кому? – с интересом осведомился Кононенко.

– Вот. – Рогозин извлёк из папки фотографию и положил перед допрашиваемым. – Фотография объекта покушения. Из кармана киллера.

– Но... Но... Это же я!

– Именно.

– Египетская тьма! Я думал, вы меня как свидетеля... – Кононенко поморщился и потёр кончиками пальцев виски. – Получается, он приходил за мной! Но почему?

– Вот это мы и хотим от вас узнать.

Кононенко двумя глотками допил кофе, кажется, не ощутив его вкуса, со стуком поставил чашку на стол. Выпрямился. Замешательство прошло, и опять это был уверенный в себе человек.

– Для меня это, мягко сказать, полная неожиданность, – сказал он.

– Кто вас заказал, Эдуард Алексеевич? – спросил Рогозин, внимательно уставившись в глаза гостю.

– Это какая-то несуразица. У меня серьёзный и достаточно обширный бизнес. Рестораны, недвижимость, турфирмы. И везде всё ровно. Со всеми. Я никогда ни с кем не конфликтую – это вредит делу. Да и отбили у меня в местах не столь отдалённых всякое желание понтить.

– Что, довелось у «хозяина» побывать? – подмигнул по-свойски Rogozin.

– Семирик от звонка до звонка. Дела давние, ещё восьмидесятые годы.

– За что страдали?

– За свободу и демократию, – усмехнулся Кононенко. – Пытался внедрить рыночные механизмы в социалистическую экономику. Про цеховиков слышали? Так я из них. В конце восьмидесятых вышел. И в бизнес провалился с головой, как в полыню. Но выплыл. И теперь плыву уверенно и спокойно.

– Но кто-то вас заказал, – вкрадчиво произнёс Rogozin. – Какие кандидаты? Какой мотив?

Кононенко вздохнул, будто что-то хотел сказать, потом отмахнулся:

– Господа, ну какой серьёзный мотив? Вы просто не представляете, насколько гладко идут мои дела. По бизнесу все вопросы утрясены и решены, никто не посягает на мой кусок пирога – все границы давно очерчены и каждому отмерено своё. Живу достаточно замкнуто. Дом, семья, изредка дружеские посиделки в закрытых клубах. Сегодня главное для меня – моя коллекция.

– Вы коллекционер? – оживился Платов. – Что собираете?

– Всего понемножку. По большей части русская живопись девятнадцатого века. Сначала это было вложением капитала, потом переросло в настоящую страсть.

– С Аксельманом и Каменским не встречались? – назвал Платов имена двух мошенников на антикварном рынке, которых ему в прошлом году удалось отправить в места не столь отдалённые, сколь малонаселённые.

– Встречался. – Кононенко бросил острый взгляд на оперативника. – Вы имеете отношение к их незавидной судьбе?

– Сопровождал это дело.

– Мои поздравления, – Кононенко оживился.

– А с вашим увлечением не может быть связан этот инцидент? – спросил Rogozin.

– Ну что вы. Антикварный мир... Это такая тихая еврейская заводь, где все вопросы решаются без применения силы, даже если на кону огромные деньги. Там не принято нанимать киллеров. Только адвокатов. Тут искать бесполезно.

По окончании разговора, когда дверь за бизнесменом закрылась, Rogozin с раздражением произнёс:

– Вот жучара.

– Он знает куда больше, чем говорит, – кивнул Платов.

– Гладко у него, видите ли, всё и по жизни со всеми ровно. Тогда кто его заказал? Инопланетяне? Его же конкуренты и заказали. А теперь или его добьют, или он сам кого-то закажет. Так что ещё будут трупы, не сомневайся.

– Что планируешь? Надо бы телефон послушать и с «наружкой» поводить.

– Валера, тебе надо, ты «двоечку» с «норой» и заказывай! – взорвался Rogozin. – У меня все лимиты на горячие темы выбраны и точек нет. Ты инициатор. Отдел у тебя по резонансным преступлениям. Работай!

– Э, Андрюша, ты стрелки, что ли, переводишь?!

– Просто хочу, чтобы ты орден получил...

* * *

Платов писал рапорт по мероприятиям и раздумывал, кому бы лучше сплавить это дело, когда на его столе зазвонил служебный телефон.

– Валерий Николаевич, – послышался ровный баритон.

– Он самый. С кем имею честь?

– Полковник Шведов. Из Главного управления по борьбе с экономическими преступлениями.

– Чем обязан? – Платов немного напрягся – он не особо жаловал ушлых ребят из этой полицейской конторы.

– Не телефонный разговор, Валерий Николаевич. Мы могли бы встретиться?

– По поводу?

– По тому киллеру, которого так удачно ликвидировали. Есть кое-какая информация...

Через час они встретились около ресторана «Ти-Бон», располагавшегося на улице Петровка недалеко от здания ГУ МВД по Москве.

Шведов – высокий плотный мужчина с немного узким восточным разрезом глаз, прибыл на «Ауди А6», темно-зелёный металлик. Прикид модный и дорогой – до остроты отглаженные брюки, куртка из мягкой замши, фирменный кожаный портфель «Ундервуд». Да, экономические преступления – это вам не гопота из уголовного розыска.

Оперативники прошли в ресторан и приземлились за свободный столик.

– По стопочке коньяка за знакомство, – предложил с места в карьер Шведов.

– Как говаривает мой начальник – не вижу повода не выпить.

– Давай на «ты», – предложил Шведов. – Иначе трудно общаться. Герман.

– Валера.

– Ну, за знакомство.

Стопка коньяка – то, что нужно. Но не больше. Голова должна быть светлая. Потому что разговор, судя по всему, будет долгий.

– Ладно, не будем ходить вокруг да около, – взял быка за рога Платов. – Будем делиться информацией?

– Обязательно, – кивнул Шведов. – Позволь пару вопросов для затравки. Ты раскручивал группу Аксельмана?

– Было дело, – произнёс Платов, припомнив, что этот же вопрос задавал ему потерпевший.

– Вот и отлично. Я слышан, что ты прилично углубился в тему мошенничеств на арт-рынке?..

– Не великий специалист, но течения и расклады представляю.

– И твоё авторитетное мнение о рынке подделок?

– Во всём мире денежные люди озабочены тем, чтобы вложить деньги во что-то, не подверженное инфляциям и финансовым катастрофам. Лучший способ – предметы искусства, цена на которые с годами только растёт. Вот и выстраиваются наши нувориши в очередь за Айвазовскими и Шишкиными. С начала двухтысячных вместе с ростом цен на нефть начался дикий рост цен на произведения русских художников. Айвазовского теперь уже по квадратным сантиметрам продают. А цены на художников второго эшелона выросли в десятки раз за десять лет. Люди озолотились, кто в конце девяностых в живопись вкладывался.

– А где на всех зубов найти – как пел Высоцкий.

– Точно. Спрос опережает предложение. Шедевров не хватает. Но рынок же из-за такой безделицы не должен страдать. Нет Репина, так будет. Нарисуем. Нет яиц Фаберже? Сделаем.

– А что такое перелицовка – ты в курсе?

– Есть две основные категории поддельщиков по живописи. Одни берут старый холст и даже старые краски, а потом выдают на-гора Шишкина-Поленова или, что гораздо проще в исполнении, авангардистов двадцатых годов. Другие перелицовывают картины. Наши нувориши безумно задрали ценники на русскую живопись девятнадцатого века. Вот и покупают жулики полотно западного пейзажиста, а художник из кружка «шаловливые ручки» убирает подпись чужеземного супостата и выводит закорючку родного русского художника аналогичной школы и периода. И цена автоматом вырастает в десять раз.

– В десять, – хмыкнул Шведов. – А в тридцать не хочешь?

Он пригубил коньяк и продолжил:

– Эдуард Кононенко, бывший цеховик, а ныне прожжённый коммерсант, тот, кого киллер не добил. Он коллекционер живописи. Фанатик русского пейзажа девятнадцатого века. Повздорился покупать Киселёва – был такой пейзажист в позапрошлом веке. Покупал много и упорно. Однажды пригласил к себе на Рублёвку известного эксперта. От него и узнал, что Киселёвых в его доме теперь больше, чем в Третьяковской галерее и Русском музее, вместе взятых.

– И все фуфловые, – кивнул Платов.

– Ну да. Эксперт тот залез в каталоги и нарыл, что все до единого эти «Киселёвы» ещё недавно выставались на международных аукционах под другими подписями. Кононенко эти шедевры прикупил у супружеской четы. Эта парочка приехала два года назад из Питера и теперь держит здесь «Галерею классического искусства».

– Кто такие?

– Левицкие. Рубен и Ирина.

– Не слышал о них.

– У них ограниченный круг клиентуры. Главным их покупателем был Кононенко. Узнав, что его накормили фуфляками, наш бизнесмен решает, что его друзья-галеристы, такие вежливые и возвышенные, тоже стали жертвами ушлых пройдох. Он двигает к ним: мол, беда стряслась, давайте думать, как быть. В ответ от Ирины Левицкой сначала слышит невнятицу – мол, дополнительные экспертизы надо, то да сё. Ну что ж, экспертизу провести нетрудно. Технологическая экспертиза даёт однозначно – была перелицовка. Мало того что подпись не родная, так ещё части пейзажа, типа мельницы, которые никак не вписываются в пасторальные русские просторы, просто замазаны. Кононенко опять к галеристам: «Надо вопрос решать. Деньги не требую сразу, давайте придём к какому-нибудь взаимовыгодному решению». И делятся эти переговоры пару месяцев. В конечном итоге потерпевшего посылают в пешее сексуальное путешествие в лучших традициях – мол, купил фуфло, теперь оно твоё.

– Так откровенно и послали?

– Открытым текстом. Он пообещал кинуть заявление в полицию, в ответ выслушал от Ирины, что его самого посадят, потому что он уже сидел, ему не впервой. А Кононенко, человек со связями, с одними нашими большими генералами пересёкся, пожаловался на боль душевную. В результате мне этот материал сплавил.

– И что ты выяснил?

– Через Интерпол мы узнали, что перелицованные картины на аукционах скупал некто Омаров Роман Олегович. В арт-бизнесе личность известная. Кличка Носорог, полукриминальный тип, близкий к грузинской диаспоре. Он же ввозил картины в Россию, кстати, под их истинным названием и авторством. То есть перелицовывали их здесь.

– А кто организовывал искусствоведческую экспертизу?

– Пока ещё не выяснили. На твою помощь рассчитываем, как это аккуратненько проверить.

– Носорог с Левицкими в группе работал?

– Трудно сказать. По слухам, Носорог – профессиональный перелицовщик. На него работают и художники, и эксперты. А Левицкие – обычные барыги. Берут вещь за три копейки и за сто рублей впаривают лоху.

– Обычно так и бывает, – отметил Платов. – У одних есть вещь. У других клиенты. И то и другое – капитал.

– В общем, дальше мы спокойно работаем по материалу. Доказуху потихоньку подтягиваем – и объяснения, и экспертизы, и прослушка. Жулики дёргаются. Понимают, что так просто всё это с рук им не сойдёт. И тут я узнаю, что Кононенко едва не стал жертвой покушения.

– Считаешь, его заказал кто-то из этих жуликов?

– А других вариантов нет. Притом с равным успехом мог заказать и Носорог, и Левицкие. Когда два миллиона долларов на кону.

– В переходе из-за пятидесяти рублей могут финкой пощекотать.

– Понимаешь, Валер, дело это интересное и совершенно для меня новое. В ГУБЭПе я то рыбным хозяйством занимался, то казино, то Чечнёй. А ты специалист. Нужные бумаги на руководство вашего главка организуем. Поработаем?

Платов на секунду задумался, потом с готовностью кивнул:

– Поработаем.

Он представить себе не мог, во что только что ввязался.

* * *

Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика Грабаря располагался на улице Радио, прямо напротив Следственного комитета России. Под это учреждение культуры отдали историческое здание бывшего туполевского КБ – оно до сих пор напоминало самолётный ангар. Раньше ВХНРЦ располагался на Большой Ордынке в здании церкви, за которую разгорались нешуточные бои с верующими, в итоге искусствоведов выселили в нынешнее здание, находившееся в аварийном состоянии. За немалые деньги его отреставрировали, а потом лихо спалили, притом с человеческими жертвами. Бывший завхоз умудрился так удачно попилить бюджет на реконструкцию помещений, что объект культуры федерального значения сгорел как спичка, и никакая система противопожарной безопасности не помогла, потому что была дешёвая и бракованная.

Директор ВХНРЦ встретил гостей в просторном кабинете с длинными полками по стенам, заставленными толстыми фолиантами по искусствоведению, а также потрескавшимися иконами. С ним Платов раньше сталкивался – это был старый минкультовский чиновник, хитрый, кручёный, испытывающий не слишком здоровую привязанность к старому доброму коньяку.

– Вне зависимости от целей визита рад вас видеть, – энергично пожал директор руку Платову на правах старого знакомого, потом поздоровался со Шведовым.

– Взаимно, – шаркнул вежливо ножкой Платов, нацепляя дежурную улыбку. – Мы проводим мероприятия по розыску похищенных произведений искусства. Надо посмотреть, какие вещи сдавались на экспертизу.

Шведов тут же положил на директорский стол папку с запросом из МУРа на ознакомление с документами.

– Скрывать нам нечего, – не слишком искренне произнёс директор. – Проверяйте.

Особого беспокойства визит полиции у него не вызвал. Не в первый и не в последний раз. Так издавна сложилось, что, помимо реставрационной деятельности, Центр Грабаря подрабатывает проведением атрибуций (искусствоведческих исследований) для физических и юридических лиц. Экспертиза Грабаря при реализации живописного произведения так же необходима, как гарантийный талон при покупке телевизора. В Москве не так много заведений,

дающих экспертизы, – Научно-исследовательский институт реставрации, Третьяковка, Музей имени Пушкина. Поэтому тут постоянно трутся сотрудники правоохранительных органов, пытаюсь найти похищенное.

Директор поставил каллиграфическую резолюцию на бумаге. И сухая, строгая заместитель по науке повела их в административную часть, где в огромном гулком помещении три молоденькие девчушки самозабвенно барабанили по клавишам клавиатур.

– Вам за какой период? – спросила миловидная блондинка, прочитав бумагу и сообразив, что от неё требуется.

– За последние два года, – заявил Платов, усаживаясь на жёсткий тяжёлый стул с высокой деревянной спинкой.

– Что-то конкретно ищете?

– Нас интересуют вещи, схожие с похищенными.

Оперативникам отвели огромный стол. Сотрудницы свернули лежащее на нём полутораметровое живописное полотно, стряхнули крошки – судя по всему, стол служил не только для раскладывания картин, но и для чаепитий. И стол быстро начал прогибаться под тяжестью учётных книг, пухлых томов с цветными копиями экспертиз, фотографиями живописных полотен.

– Сколько же в Москве делается экспертиз, – с некоторым удивлением отметил Шведов.

– В Грабаря арт-дилеры со всей России съезжаются. Но всё равно – это свидетельство, что объём продаж только по живописи значителен.

– А налогов с гулькин нос, – проснулся в Шведове борец с экономическими преступлениями.

Найти необходимые документы было делом пары минут. Но тогда сотрудники Грабаря сразу поймут, зачем приходили оперативники. И вполне могут слить информацию жуликам. Поэтому операм надо делать вид, что они действительно ищут ворованное.

Заключение на первую картину Платов нашёл через полчаса. Кто сдавал? Роман Омаров. Носорог! Попался, который кусался!

Через час нашли все картины. Пять сдавал на атрибуцию Носорог. Две – Рубен Левицкий.

Платов заложил обрывками бумажки закладки на трёх десятках экспертных заключений, чтобы нужные им затерялись в общей куче.

– Как бы нам эти листы отксерить, – попросил он блондинку.

Вскоре Шведов втискивал в свой фирменный кожаный портфель целую кипу ксерокопий документов.

– Ну что, круг замкнулся, – торжествующе произнёс Шведов, садясь в машину. Сжав победно кулак, он объявил: – Вот теперь где они у нас.

– Цепочка спаялась, – кивнул Платов, поворачивая ключ в замке зажигания. – Эти трое и картины сами находили. И перелицовывали. И экспертизы заказывали. Если бы цепочку растянули ещё на пару участников, вопрос доказывания был бы сложнее.

– Да как же, возьмут они лишних людей в дело, – усмехнулся Шведов. – Каждое новое звено – это сразу прибыль меньше... И так, кто покупал, ввозил картины и сдавал на экспертизу – мы знаем. Теперь вопрос вопросов – кто их перелицовывал.

– Да кто угодно. Талантов у нас немало. – Платов поглядел в зеркало заднего вида, намереваясь тронуть машину с места. И тут в его кармане зазвонил телефон.

– Валерочка, ты хочешь моей смерти? – послышался в трубке знакомый журчащий голос.

– Хотел бы – убил бы, – хмыкнул Платов. – Без жалости и сочувствия... Не дуйся, шучу.

– Я тоже тебя люблю. Скупой мужской любовью. Таки мы встретимся или нет?

Иосиф Кац уже третий день просил о срочной встрече, по старой привычке отказываясь говорить по телефону. «Если бы я хотел, чтобы при нашей беседе присутствовал КГБ, я бы их

пригласил в гости, но разговор для двоих», – так комментировал свой застарелый комплекс. Платов уже третий день его динамил – не мог найти ни одной свободной секунды.

– Встретимся, Йосик, конечно встретимся. – Платов посмотрел на часы. – Через часик. Где-нибудь в центре.

– Давай в «Экседре» на Китай-городе. Я тебя покормлю. Потому что ты вечно голодный. – Платов бросил телефон на заднее сиденье.

– Срочное что-то? – полюбопытствовал Шведов.

– Да антикварщик один на встречу набивается.

– Тогда расспроси его о наших клиентах.

– Непременно.

* * *

Кац никогда не был агентом или доверенным лицом. Его отношения с Платовым можно скорее назвать как взаимовыгодный симбиоз, когда одни помогали друг другу, исходя из своих резонов. Так, Кац сильно помог при работе по группе Аксельмана, там он являлся потерпевшим.

Судя по перевозбуждённому состоянию, у Йосика в очередной раз возникли какие-то проблемы. Большинство из них обычно сводится к тому, что «мерзкие ползучие насекомые опять зажилили деньги, их надо всех расстрелять по законам военного времени, и ты, Платов, мне обязан в этом помочь». Или он с кем-то хочет посчитаться за обиды. Что-то оживились антикварные деятели в последнее время.

Кац уже расположился за столиком в углу. Он предусмотрительно устроился на диванчике, так как был широк в кости, чрезвычайно дороден и одного стула для его туши в полтора центнера было маловато. Он внимательно изучал меню, что-то сладко нащёптывая себе под нос.

– По пивку? – с места в карьер предложил он, завидев Платова.

– Я за рулём, – ответил тот, присаживаясь.

– Ох, эти законопослушные менты. Ну, тогда по хорошему обеда. И по кофейку вдогонку.

Вызвав официанта, Кац долго тыкал пальцем в различные блюда, дотошно выясняя их качество и количество. Так, рулетики, разносолы...

Сделав обильный заказ, он задумчиво уставился куда-то в стену, думая о чём-то о своём, о потаённом.

Платов вывел его из нирваны:

– Ну и что у тебя за проблемы?

– Да темно, как у негра сам знаешь где, – очнулся Кац. – Знаешь таких Левицких? Муж и жена.

– Что, знакомые? – как можно равнодушнее поинтересовался оперативник.

– Валерик, ты не представляешь, какие это поцы. – Урождённый одессит Кац обладал специфическим говорком и привычкой к вечному зубоскальству. – Грязные фуфломёты!

– Не все же так кристально чисты, как ты, Йосик, – насмешливо произнёс Платов.

– Вот нехорошо меня корить ошибками молодости, Валера.

– Молодости, – хмыкнул Платов. Кацу было уже под шестьдесят, а история, когда он погорел, пытаясь всучить коллекционерам поддельного Сурикова, произошла всего год назад. Он вовремя сумел урегулировать отношения с потерпевшими, потерял деньги, но со статьи соскочил.

– Приехали эти лимитчики в Москву года два назад, – начал повествование Кац. – И за это время поднялись лямов на десять евриков. Теперь у них две квартиры в элитных домах. Галерея. Прикид экстра-люкс. Такое можно сделать честно в нашей стране?

– Чем они тебе не любы?

– Знаешь, они нашли себе дойную корову. Бизнесмен такой есть по кличке Цеховик. Накормили его фуфлом на два миллиона долларов. Когда он им предъяву сделал, они его послали. А он человек непростой. Я бы на их месте его не посылал.

– Почему?

– Потому что кончится всё уголовным делом. Он вполне может написать заяву. И тогда тряхнут всех – мало не покажется.

– Твоя-то забота какая?

– Они Цеховику этюд Поленова продали. Так это мой Поленов. Деньги они мне за него полностью так и не отдали. Но дело не в этом. Если полиция в это дело встрянет, меня тягать начнут.

– Фальшивый Поленов?

– Настоящий! Наверное, единственный подлинник, который Левицкие за всю трудовую жизнь продали. Но я вашу контору знаю. Хоть ты сто раз прав, быстро виноватым станешь.

– От меня что хочешь?

– Если разборка начнётся, поможешь?

Платов пожал плечами и внимательно посмотрел на собеседника. За Кацем был грешок при малейшем дуновении ветра в его сторону впадать в панику с криком «Всё кончено!». Похоже, сейчас был именно такой момент.

– Мне насвистели, что Левицкие в честь Цеховика какую-то большую подляну замутили, – продолжил Кац.

– Что, мочить решили?

– Это слишком радикально, Валера. Даже для этих поцев. Они всё больше по провокациям.

– Какую они провокацию могут устроить?

– Да любую... Ты ешь, Валера, ешь. А то исхудаешь и никогда не будешь таким, как я. – Кац удовлетворённо похлопал себя по объёмному животу.

* * *

Расставшись с Кацем, Платов уселся в свою БМП (боевую машину полиция). Подумал немножко. Набрал номер Шведова. И коротенько пересказал суть состоявшегося разговора.

– Какую Левицкие подляну могут готовить? – непонимающе осведомился Шведов.

– Надо сводки прослушки изучить... Ну и второй вопрос – что это за этюд Поленова Левицкие втюхали потерпевшему?

– Кононенко ничего не говорил об этом.

– Надо бы спросить. Может, что-то интересное.

– Давай-ка завтра с утречка ко мне. Обсудим сводки. Может, что-то и надумаем...

На следующее утро Платов отправился в здание МВД России на улице Житной.

Шведов обитал на восьмом этаже в кабинете со стандартной мебелью, большими окнами, бежевыми стенами. На стенах календари «ФСБ России», «Вневедомственная охрана», несколько бумажек с надписями типа «То, что вы не сидите, это не ваша заслуга, а наша недоработка». Из окна открывался вид на похожее на старинный замок из тёмно-коричневого камня здание французского посольства. Дальше виднелись золотой купол храма Христа Спасителя, ажурная фигура церетелевского памятника Петру, похожего на стартовую конструкцию для космических ракет.

– Располагайся, – кивнул на широкое крутящееся кожаное кресло Шведов.

В кабинете столов было на пятерых, но народ был в разъездах по всей России – шла реализация по незаконному игорному бизнесу.

Шведов соорудил кофе с рижским бальзамом.

– Ты с потерпевшим больше не говорил? – спросил Платов.

– Вчера вечером. Что за подстава в отношении его – не знает. А с Поленовым – в цвет. Кононенко три месяца назад купил у Левицких за тридцать пять тысяч долларов эскиз Поленова «Вид на Кремль» и отдал картину в багетную мастерскую, чтобы рамку покрасивее забацали. А когда началось выяснение отношений, но проходило ещё в парламентских рамках, неожиданно ему звонит Левицкая и объявляет, что хочет показать эту картину эксперту, чтобы по ней не было никаких сомнений, как с Киселёвым. Он позвонил хозяину багетной мастерской и разрешил, чтобы Левицкая на время Поленова забрала. Ну, и с концами – ни денег, ни Поленова.

– Вещь-то хоть настоящая была? Тип, который её продал, тот ещё затейник, – хмыкнул Платов, вспоминая честное лицо Каца.

– Кононенко говорит, настоящая.

– Ха, вот и ещё один эпизод. Сто шестьдесят четвёртая статья – хищение предметов, имеющих особую культурную ценность. Поленов однозначно классик.

Шведов открыл массивный железный ящик, вытащил увесистые папки со сводками ПТП (прослушивание телефонных переговоров):

– Глянь свежим взглядом. Чего не поймёшь, спрашивай. Там и вчерашние сводки, мной не читанные.

Платов отхлебнул кофе. И начал перелистывать плотные листы бумаги, на которых были распечатки телефонных переговоров. Слушали телефоны обоих супругов. Если Рубен переговаривался в основном только со своей супругицей и все разговоры с её стороны носили характер директивный – принеси, подай, отчитайся, то сама Ирина трещала как заведённая с утра до вечера со всей Москвой. В основном вела переговоры по каким-то картинам. По атрибуциям, экспертам, ценам. Судя по всему, сворачивать бизнес Левицкие не собирались, но было заметно, что с клиентами у них напряжёнка.

Так, а этот разговор с каким-то мужчиной по имени Сергей.

«Объект контроля (Левицкая): Да, я слышала, что во дворе, где живёт этот гад, кого-то там убили, да.

Сергей: Кого убили?

Объект: Да не знаю кого, но как-то странно всё. Не удивлюсь, если этого Кононенко убить хотели. И поделом. Такая сволочь. Он на нас клеветает. Жулик. И я это докажу».

Ещё несколько разговоров было, где Левицкая плакалась на тяжёлую жизнь и жаловалась на Кононенко. Она специально людей выводила на эти разговоры.

А вот это интереснее. Вчерашняя сводка. Левицкая разговаривает с неустановленным мужчиной, судя по канве беседы, с каким-то адвокатом.

«Объект: Ну, как там наше дело? Я бы ещё доплатила, если бы побыстрее. Он же бандит. Он меня убьёт!

Н: Мы занимаемся вашей проблемой. Но просто так же всё не делается.

Объект: Но каждый день на счету!

Н: Поймите, что ваш Цеховик... он тоже деньги платить будет. Сколько вы ментам в ЦАО дали? Сто тысяч? А надо двести, чтобы носом землю рыли.

Объект: Но они же, как порядочные люди, должны отработать деньги.

Н: Так и будете деньгами мериться?

Объект: Ну поторопитесь, наконец! Я вся извелась. Я плачу деньги и хочу, чтобы меня не изводили. Я хочу, чтобы...

Н: Извините, я всё понял. У меня сейчас нет времени. До свидания».

Платов протянул сводку Шведову, предварительно очертив жёлтым маркером наиболее интересные места, и спросил:

- Ты понимаешь, что это такое?
 - А что не понять. Левицкие занесли сумму в УВД Центрального округа, и наши коллеги теперь готовят провокацию.
 - Надо Кононенко звонить.
 - Надо. – Шведов взял трубку.
- Но было уже поздно...

* * *

– Управление по борьбе с экономическими преступлениями УВД Центрального округа Москвы, – отбарабанил неприлично толстый, с тремя подбородками и легкомысленными усилиями субъект, завалившийся в сопровождении бригады из трёх мордоворотов. Выглядела компания весьма представительно – сытые морды, дорогая обувь и одежда. Цепкие глаза профессиональных выбивателей долгов пробежали по обстановке кабинета, оценивая каждый предмет.

– На основании постановления следователя у вас будет произведена выемка предметов и документов, относящихся к уголовному делу.

Кононенко, достаточно спокойно наблюдавший за этим вторжением inferнальных существ в свой уютный уголок, осторожно поинтересовался:

- Что за дело? И какое я отношение имею к нему?
- Ознакомьтесь с постановлением. – Толстый оперативник протянул ему лист с печатью.

Взяв постановление, Кононенко, усевшись за стол, ознакомился с отпечатанным на принтере текстом, и по мере прочтения его глаза расширились.

Дело возбуждено по статье 159 УК РФ – мошенничество. Основание – заявление гражданки Левицкой о совершении в отношении её мошеннических действий при сделке с недвижимостью – покупке офиса по адресу Большой Власьевский переулок.

- Кто бы ещё объяснил, какое отношение я имею к этому офису, – произнёс Кононенко.
- Кому надо – разъяснят. – Толстый поскрёб пальцем висящий на стене пейзаж кисти Клевера.

- Осторожнее, пожалуйста, она двести тысяч долларов стоит.
- Ух ты. А люди голодают, – хмыкнул оперативник. – Картину Клевера изымаем. Она получена преступным путём. А машина где? «БМВ 535i».

- Внизу. В гараже.
- И машину изымаем. А квартира на Волгоградском проспекте, дом 29?
- На месте. На Волгоградском, 29.
- Шутите? – испытующе посмотрел на Кононенко толстый. – Весело вам? Настроение хорошее?.. Итак, начинаем выемку...

Добычей «абордажной команды» явились картина Клевера, ключи и документы на трехкомнатную квартиру на Волгоградском проспекте, а также документы и ключи на «БМВ 535i».

Заодно «пираты» забрали пленника – Кононенко отправился с ними в УМВД по ЦАО на Средней Калитниковской. Там его в тесном кабинете ждал молодой, с глумливым выражением лица, следователь.

- Признаваться будем? – деловито осведомился он.
- Это ирония?
- Адвоката вызвать? Брать пятьдесят первую статью и отказываться от показаний будете?
- Да мне скрывать нечего. И адвокат – лишняя трата денег. Спрашивайте.

После четырёх часов допроса, угроз и ненавязчивых предложений Кононенко ошалел полностью. Наконец следователь вышел из кабинета и оставил его с оперативником – тем самым толстым.

– Ну, ты понимаешь, что попал по-взрослому? – зловеще выдавил из себя оперативник. – Заява есть? Есть. Так и камера найдётся.

– Обвинение ложное.

– А по жизни самые обоснованные обвинения – это ложные, – объявил радостно оперативник и скривился. – Но мы мирные люди. Давай ты с этой дамой, с которой чего-то там всё не поделишь, заключаешь любовный договор. И на этом заканчиваем всю эту неприятную историю. Дело на тормозах спускаем.

– И на каких условиях договариваемся?

– На обоюдно выгодных. Ну, и нас не забудете.

– Надо тогда ФСБ в долю брать. А то неудобно будет.

– Их зачем? – напрягся оперативник. – За красивые глаза?

– Да я по дороге с генералом Радовым беседовал. Из службы «М». Он заинтересовался. «М» – это служба ФСБ, занимающаяся «контрразведывательным обеспечением» в органах МВД, то есть присматривающая за полицией.

Оперативник недовольно поморщился:

– Значит, упорствуете... Ну что ж, по закону так по закону. Смотрите, Эдуард Алексеевич, по закону больше бывает...

Кононенко был готов ко всему, в том числе к тому, что его сейчас задержат, отпинают ногами. Но его ещё немного попугали и отпустили на четыре стороны.

Через два часа около кафе «Чайный домик» в узком, плотно заставленном переулке рядом с Арбатом он встретился с Платовым и Шведовым.

– Внушает, – кивнул Шведов на машину с охранниками, которая теперь сопровождала бизнесмена. В ней сидели поджарые, резкие и внимательные ребята.

– Никогда телохранителями не обставлялся, – вздохнул Кононенко. – Чувство омерзительное.

Они прошли в кабинет в чайном домике. Вскоре на столе появилось сложное сооружение из фарфора и стекла для приготовления чая. Наконец сам чай был церемонно разлит всё время кланяющейся официанткой по чашкам.

– Эдуард Алексеевич, – произнёс Шведов. – Что происходит?

– История дурацкая совершенно. – Кононенко заёрзал на стуле. – Когда ещё конфликт в стадию взаимной ненависти не перешёл, Левицкая попросила меня поприсутствовать при сделке с недвижимостью. Мол, она женщина наивная, вокруг одни мошенники, нужен опытный мужчина под рукой, который разбирается в недвижимости. А я разбираюсь.

– Что за недвижимость?

– Она помещение под галерею давно хотела приобрести. Я как идиот еду на эти переговоры. Там бугай такой сидит, с иголки одетый, вежливый до приторности, а глаза пронзительно-голубые и хитрые. Документы все в порядке. Ну, думаю, она знает, что делает. Потом начинается... Он объявляет цену – полтора миллиона долларов. Левицкая тупит глаза и говорит, что таких денег у неё нет. Оборачивается ко мне – мол, не найдётся ли лишнего миллиончика? У меня уже зарождались сильные сомнения в её непорочности, я развожу руками – рад бы, но сам с хлеба на воду перебиваюсь. Она заявляет, что готова продать мне свою новую квартиру на Волгоградском проспекте, картину Клевера и новую «БМВ». Я сдуру согласился. Нотариус приехал. Я в банк позвонил – там председатель правления мой знакомый. Привезли несколько мешочков долларов. Она берёт деньги. Отдаёт этому чуду голубоглазому. А дальше как в песне – уехал милый навсегда. Через некоторое время Ирина меня ставит перед фактом – офис, за который она отдала деньги, оформлен на других людей. Документы на него поддельные. И мне, честно говоря, аж стыдно стало. Вот же, думаю, бессердечная я сволочь, у женщины жизнь трещину дала, а я тут со своими претензиями на два миллиона долларов. Успокаиваю её – мол, всё бывает. Претензии, конечно, не снимаю с неё. Но будем решать по

совести. Может, совместный бизнес организуем. Её идеи, деньги наши, а делёжка прибылей с учётом долга. Она тоже кивает – мол, ты мой спаситель. Я растаял... Позже узнаю от арт-дилеров, что она ходит по городу и трещит, что это я нашёл ей помещение, подвёл под неё мошенника и её кинули.

– И вы рванулись к ней, требуя сатисфакции?

– Рванулся. Думал, опровергнет мерзкие наговоры и явит мне чистоту помыслов. Но из Дюймовочки вылупилась фурия. Мне объявили, что я уголовник и негодяй, кинул её и должен за всё ответить. Тут я взбесился. Пообещал, что органы во всём разберутся. Она призадумалась на миг. А потом таким взглядом меня ошпарила, что мне аж поплохело.

– Через сколько времени после этого произошло покушение? – спросил Платов.

– Через четыре дня.

– Ответьте прямо – вы считаете, это она заказала?

– Не хочется в это верить. Кидалово кидаловом, но людей убивать – это за пределами моего понимания... Эти её холодные глаза. Ох. – Кононенко вытер рукой пот со лба. – Глаза убийцы.

– У меня ещё один вопрос. Вот какого хрена! – хлопнул ладонью по столу Шведов так, что чайная конструкция подпрыгнула. – Я же с самого начала говорил, что оперу, как доктору, нужно выкладывать всё.

– Виноват, – покаянно произнёс Кононенко.

– Виноваты. И что теперь нам делать?

Кононенко пожал плечами:

– Даже не знаю.

– Мы начинаем процессуальную процедуру. Возбуждаем уголовное дело. Потом мы ситуацию полностью под контроль возьмём. Но сейчас... У вас есть возможность выехать на неделю? Только не на дачу и не к родственникам.

– Под Москвой есть уютное место. Рыбку поужу. Про бытие подумаю.

– Только ни с кем не созваниваться, чтобы никто не знал о вашем местопребывании.

– Будет сделано...

* * *

В узком длинном кабинете, заставленном сейфами и столами, Платова и Шведова встретила анорексичная тётка ростом за метр восемьдесят. На вид ей было лет сорок, по должности она являлась старшим следователем СЧ МВД России.

– Ну да, – недоброжелательно посмотрела на посетителей подполковник юстиции Виктория Лукашкина. – Оперативники.

В её устах это звучало как ругательство.

Со следачихой у Платова вышла «любовь с первого взгляда». Весь её вид выражал презрение к окружающему миру. Судя по всему, людей она ненавидела давно и искренне.

Материалы проверки в двух томах, которые Шведов достал из портфеля и выложил перед ней, она брезгливо листала оттопыренным пальчиком, приговаривая:

– Сыроват материал, сыроват.

– И что, ждать, пока созреет? Или протухнет? – осведомился язвительно Шведов.

– Я бы не взяла, но указание руководства. Будем возбуждать. Однако надо дополнительно опросить экспертов, выявить свидетелей, которые...

Каким-то неживым голосом она надиктовала под запись указаний на месяца четыре работы. По сути, она предлагала оперативникам полностью расследовать уголовное дело, только после чего она, может быть, его возбудит.

– Вы понимаете, что за это время или ишак сдохнет, или эмир, – возмутился Шведов. – На потерпевшего уже было покушение.

Следачиха равнодушно пожала плечами и скучающе произнесла:

– То ли на него, то ли не на него. И за какие дела – неизвестно. И вообще, не мешайте всё в одну кучу. Работайте, и потом посмотрим.

Когда оперативники вышли на свежий воздух, Платов произнёс:

– По-моему, она сволочь.

– Человек специфический, но работать будет, – сказал Шведов. – Она уже направляла дела в суд по нашим материалам. Не худший вариант. Во всяком случае, сразу не побежит продавать материалы жуликам, как некоторые её коллеги. И в чём-то она права. С доказательством умысла у нас проблемы.

Для привлечения по статье о мошенничестве необходимо доказать умысел. То есть что жулики заведомо знали, что продают поддельные полотна. В этом главная трудность. Доказывается этот самый умысел по косвенным уликам, по намёкам, по логике.

– Нет нерешаемых проблем, – отмахнулся Шведов. – Конечно, все её замечания мы не выполним, но необходимые выполнить обязаны. Поехали ко мне, сейчас раскидаем, кто что делать будет...

* * *

Прошли солнечные майские праздники. И маховик событий начал стремительно раскручиваться.

На стол продолжали ложиться сводки ПТП по телефонам Левицких и Носорога.

Разговоры Ирины отличались унылым однообразием. С утра до вечера она звонила антикварам – знакомым, полужнакомым или почти незнакомым – с одинаковой присказкой:

– А вы слышали про Кононенко? Он жулик. Он лишил меня всего. Забрал у меня квартиру, машину, деньги. И хочет посадить.

Большинство её собеседников сочувственно цокали языком, дежурно сетовали на общее падение нравов. Пару раз Левицкая нарывалась на резкие отповеди: «Зачем вы мне это говорите? Мне это неинтересно. Не звоните, пожалуйста, сюда больше».

Ошалевший немножко от вычитывания этих текстов, Платов, расположившийся напротив Шведова в кабинете на Житной, с чувством воскликнул:

– И не лень ей такой фигнёй маяться?

– Почему же фигнёй? – не согласился Шведов. – Это продуманная пиар-акция.

Интереснее дела обстояли с Носорогом. Ирина Левицкая один раз позвонила ему и осведомилась:

– Чего будем делать с Цеховиком?

На что удостоилась ответа:

– Делай что хочешь, ласточка моя. На твоём месте я бы вернул бабосы. Свою долю я готов Цеховику отдать. Ты же знаешь, у приличных людей так положено – попался, так отдай деньги и работай дальше. Но за тебя я платить не собираюсь.

– Ничего я никому не должна! Это мне все должны. Цеховик – негодяй. Он меня обманул. Он...

– Ласточка, избавь меня от лишних подробностей. У меня своих проблем хватает...

Однажды Носорогу позвонил человек, назвавшийся Ашотиком, и нервно выдал:

– Он падла! Его мочить надо. Я ему говорю – ты ж сам всё это сделал. Сам нам говорил и писал. А он – вы все фальшивщики, мошенники.

– Ну, ты аккуратнее, сокол ты наш ясный, – примирительно отвечал Носорог. – Какое мочиловое, ты чего, Ашотик, перегрелся?

– Да, перегрелся! От мыслей, на какие бабки у нас попандос! Такие деньги. Ой, такие деньги. Ты понимаешь, что нас растерзают.

Потом Ашотик стал названивать постоянно и призывать к кровной мести, а Носорог, спокойный как танк, пытался его уговорить.

Выяснилось, что в Третьяковке есть эксперт Вячеслав Сурин, светило искусствоведения по русской живописи девятнадцатого века. Его заключение обладало силой официальной печати. Его услугами пользовались все уважающие себя арт-дилеры. Он дал заключение и Носорогу на картину Де ла Кура, которую признал подлинным Киселёвым. Узнав, что картина оказалась перелицованной, эксперт начал копаться в каталогах, в Интернете, выявил ещё несколько перелицованных картин, среди которых были принадлежавшие Носорогу и Ашотику.

– Ты видел этот его список? – спрашивал Носорог.

– Сам список не видел. Но слышал, какие там вещи! – верещал Ашотик.

– Наших там много?

– Рома, их хватит, чтобы нас в асфальт закатали. Грохнуть его надо, пока он этот список не опубликовал!

– Орёл ты наш горный, уговорись. Никого убивать не будем. Будут предъявы, будем думать, как их гасить.

– А предъявят на десять лямов?

– Тогда будем думать. А пока оставь Сурина в покое...

По Москве уже всю ходили слухи о списках Сурина. Но пока конкретно никто ничего не знал.

Прошло ещё несколько дней. Потерпевший удил рыбку в Подмосковье. Оперативники уже почти доработали материал.

Просматривая в гостях у Шведова очередную пачку сводок, Платов как на стенку наткнулся на текст. И спросил:

– Герман, ты это читал?..

Носорог говорит неизвестному:

– Мои близкие в погонах сказали – полиция на меня какой-то материал собирают по подделкам. Эта ворона кладбищенская Левицкая. Никак не разберётся с лохом.

– Упаси господи, если дело возбудят.хлопот не оберёшься.

– Да ничего не будет. Хрен докажут. Разрулю я всё. Близкие помогут. Они в чинах – их щелчка пальцем достаточно, чтобы в мою сторону менты глядеть зареклись...

Шведов пару раз прочитал выделенный маркером фрагмент.

– Получается, у нас утечка информации, – сделал он напрашивающийся вывод.

– И где течёт? – произнёс Платов безрадостно.

– Ты и я вне подозрений... Или следствие, или прокуратура слили. Как только фигуранты поймут, что за них взялись серьёзно, они или поднимут кипеш, начнут заносить деньги, искать ходы. Или...

– Или свинтят в неизвестном направлении. Имея открытый Шенген, это нетрудно.

– Чувствую, надо их брать. Время сейчас против нас работает. Притом в ближайшие дни. – Шведов пододвинул к себе коричневый, казённого вида телефон и начал настукивать номер своего начальника отдела.

* * *

Следачиха, развалившись в кресле, явно скучала, не в силах найти себе достойного занятия. Но когда оперативники вошли в кабинет, тут же выпрямилась и напустила на лицо маску

страшно озабоченного и невероятно делового человека, у которого досужие бездельники-посетители готовятся отнять часть драгоценного рабочего времени.

– Вот, – Шведов протянул ей папку. – Что могли, доработали.

Лукашкина принялась лениво листать материалы, и мина на её лице становилась всё более скучающей.

– Ну что-то сдвинулось, – благосклонно объявила она.

– Так пора возбуждать дело.

– Какие вы реактивные. Не всё ещё сделано.

– Чего ещё не хватает? – устало осведомился Шведов, которого эта игра в «принеси ещё бумажку» начинала утомлять.

– Объяснения с подозреваемых получить. Только после этого возбудимся. А там и вопрос о мере пресечения можно будет решить.

– А вы знаете, как далеко за это время с открытым Шенгеном убежать можно? – прищурился Шведов.

– Таковы требования закона. Для возбуждения дела по мошенничеству прокуратура требует получать объяснения у подозреваемых.

– Где такие требования прописаны? – возмутился Шведов. – Для возбуждения дела должны быть достаточные основания, а не объяснения жуликов.

– Хорошо, – снизошла Лукашкина. – Я с вами не согласна. Но доложу руководству. Пусть они решают...

Между тем накалялась ситуация со «списком Сурина». Полностью список никто не видел, и кого он похоронит стремительно падающим домкратом, было непонятно.

Платов узнал телефон Сурина, но дозвониться никак не мог. В результате решил пойти обходным путём. Созвонился с Кацем и озадачил:

– Мне Сурин нужен. Не могу найти.

– Да он боится – весь на измене. Затихарился и планы коварные плетёт. Список строчит. Потом явится с карающим мечом, как ангел мщения за поруганную культуру. Не одна голова слетит с плеч.

– У тебя с ним отношения гладкие. Отрекомендуй меня ему.

– Попробую...

Вскоре Кац сообщил тайный телефон Сурина. Платов тут же созвонился с экспертом и договорился о randevu.

Встретились они около Дома художника на Крымском Валу. В парке были рядами расставлены бронзовые и каменные скульптуры, свезённые со всей Москвы, в том числе и снесённый с постамента на Лубянке памятник Дзержинскому.

Сурин оказался полноватым, невысоким, с бородой лопатой и в сильных очках мужчиной лет пятидесяти. На расстоянии держался дюжий телохранитель, предоставленный эксперту его приятелем-олигархом, когда началась история со списком.

Присели на лавочку. Платов объявил, что ведёт дело Левицких и на две поддельные картины Сурин давал положительное заключение.

– Да, видел я эти картины. Подобраны на редкость профессионально. У этих мошенников великолепный консультант. Понимаете, тот период – это очень похожие художники. Де ла Кур, Киселёв, Шишкин, германские живописцы – это одна школа, схожая манера исполнения. Порой разнятся только подписи. А в арт-бизнесе цена подписи – как в чековой книжке. Я закурю? – Сурин вынул потёртую старую трубку и тщательно раскурил её.

Потом продолжил:

– Я консультант по русской живописи большинства музеев. И дал за свою жизнь тысячи заключений. Я никому не отказываю посмотреть картину – это как глаз у снайпера, постоянно в тренировке нуждается. И деньги я всегда по минимуму брал, а за некоторые экспертизы

ничего не получал – тут спортивный интерес. Но я всех владельцев картин предупреждаю, что оцениваю только манеру живописи. У меня нет рентгена, я не провожу технологические исследования.

– То есть гарантии вы не даёте. – Платов слегка улыбнулся, вспомнив анекдот: «А у вас есть гарантия, что это подлинный Шишкин?» – «Есть. Аж на три года».

– Не даю... Когда произошёл этот прискорбный случай, я осознал всю запущенность этой проблемы. Все картины, на которые даю заключение, я фотографирую. Поднял эти фотографии и сравнил их с изображениями вещей, которые выставлялись на торги на западных аукционах. Ну и...

– И увидели поразительное сходство, – хмыкнул Платов.

– Да. Многие вещи были теми же самыми, только подписи разнились.

– Много?

Сурин потупился и произнёс:

– Пока около двухсот.

– Диапазон цен?

– Самые скромные – пятьдесят-сто тысяч долларов. Те, что получше, – до миллиона-двух... Понимаете, это же международная мафия! Сюда все втянуты – аукционы, контрабандисты, дилеры. Они опасны. Они уничтожают целые пласты западной культуры и пишут несуществующую историю искусства. Это вандалы!

– Кто этим занимается?

– Кто подделывает – не знаю. А продавцы – это Акопов, Омаров, ещё тьма народу. Они все друг друга знают, общаются. Вандалы, говорю вам. Варвары.

– Можно ознакомиться с результатами ваших изысканий?

– Для вас сделал, – Сурин протянул флеш-карту.

Платов кинул флешку в портфель, и у него было странное ощущение, будто тот потяжелел. Оно и неудивительно. В портфеле теперь лежала бомба. Бомба, которая испарит десятки миллионов долларов...

* * *

Наконец свершилось. Карточка выставлена, дело «по факту мошеннических действий в отношении гражданина Кононенко Э. А., причинивших ущерб в особо крупном размере, то есть по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ», возбуждено. Но до реализации пока далеко. Следачиха возилась с санкциями на обыск по местам жительства фигурантов. Процедура эта долгая, нудная и волокитная.

Перед самой реализацией посыпались сюрпризы. Носорог съехал с городской квартиры. Пришлось разведчикам тянуть его от работы до адреса – теперь он обитал в крутом коттеджном посёлке в ближнем Подмоскowie.

– У нас нет времени выписывать туда обыск, – объяснила Лукашкина на очередном совещании следственно-оперативной группы.

– То есть в коттедж мы не войдём? – нахмурился Шведов.

– Конечно, могу попытаться получить постановление, – затянула Лукашкина с таким видом, что стало ясно – ничего она не сделает. – На неотложный обыск не надейтесь. Нам их запретили проводить...

Градус нервозности повышался. В четверг Платову, развалившемуся в своём уютном кожаном кресле в кабинете на Петровке, позвонил Шведов и сообщил:

– Левицкие куда-то делись...

– Это как?

– Слиняли. Свинтили. Лыжи наострили. В общем – исчезли в неизвестном направлении, растаяли, как утренний туман.

Выяснилось, что Левицкие обрубил все телефоны. По месту жительства и в галерее на Остоженке не появлялись. Платов отправился на Житную.

– Вот же стручки, – покачал головой Шведов, пожимая руку своему товарищу. – Сейчас со своей шенгенской мультивизой возьмут билет до города Парижу – и ищи ветра в поле.

По базе данных «Розыск-Магистраль» билетов фигуранты не брали, но база неполная. Получить от погранцов информацию не удалось.

Мобильные телефоны Левицких молчали уже третий день. Стационарные телефоны в галерее и на квартире тоже молчали. В общем, были полные непонятки. Зато Носорог был на месте и с утра до ночи трещал по телефону о «списках Сурина».

Антикварная среда кипела. «Список Сурина» ждали, как Откровение Иоанна Богослова, описывающее конец света. Антикварные дилеры справедливо полагали, что его опубликование будет для них локальным армагеддоном.

Между тем стали появляться отдельные картины из этого списка. Ходили по рукам ксерокопированные бумаги. Каким путём попадали к антикварам – неизвестно, но они были. И страсти начали переходить уже в конкретные дела.

В час ночи, когда вся семья уже спокойно спала, Платова разбудил телефонный звонок.

– Кому не спится в ночь глухую? – пробурчал Платов, хватая телефон.

– Это я, друг мой, твоя совесть, – донёсся возбуждённый голос Каца.

– Йосик, ты садист или диверсант? Не слышал, что будить людей среди ночи опасно?

– Какая ночь? Такие дела творятся! Этот список Шиндлера... То есть Сурина. Ну, в общем...

– Короче, ты влетел... Отлично, Йосик. Я в тебя верил. На большие бабки опустил?

– Да картинка там меленькая, дрянненькая. Кисти Сарьяна. И по ней мне только что предъяву сделали. Мол, «перелицовка». Кому такое дерьмо перелицовывать надо?

– Цена вопроса?

– Пятьдесят тысяч. Вечнозелёных...

– Мой тебе авторитетный совет. Отдай деньги и не отсвечивай. Пока не поздно.

– Пятьдесят тысяч. Отдать! Ох, грехи мои тяжкие!

– Ты мне лучше скажи, где Левицкие? Телефоны скинули. Они не смылись в Южную Америку?

– Да ладно тебе. Просто взяли тайм-аут. Легли на дно где-то в Подмоскowie.

– Ты уверен?

– У них сделка наклёвывается. А они за копейку удавятся. Появятся скоро...

* * *

Пока ситуация с реализацией затягивалась, в отделе Платова подоспели мероприятия по пресечению деятельности одной сильно продвинутой мошеннической группы.

Мошенники – народ сметливый и креативный. Благодаря СМИ срок годности мошеннических ноу-хау с каждым годом становится всё короче. Напёрстки продержались лет семь-восемь, лохотроны – лет пять. А сегодня приходится уже чуть ли не каждый месяц ломать голову над новыми разводками.

И вот додумались. В газете появляется объявление – предлагается новое чудо-лекарство. Пенсионер покупает, пьёт его по инструкции. А через месяц ему звонят и говорят, что ему продали бракованное токсичное лекарство и пришёл каюк. Хотя есть выход – нужен антидот. Он денег стоит, но отдадут его практически по себестоимости. За каких-то двести тысяч рублей.

Удивительно, но на эту наживку народу повелось немало. Оперативники потратили уйму времени и сил, наконец удалось выявить всех членов группы, локализовать их местонахождение. Сначала установили двух студентов пищевого института, которые непосредственно изымали деньги. Их приняли первыми. Потом в Подольске на квартире задержали организатора, имевшего уже две судимости за мошенничество, и доставили на Петровку.

Студенты поплыли сразу, стали искренне каяться и вымаливать прощение. Организатор ушёл в глухой отказ.

– Признаваться не в чем. – Мошенник, худосочный, с наглой мордой и татуированными перстнями на пальцах, сидел вальяжно, нога на ногу. – Можете – докажите. Я денег не брал. Никого не кидал.

– Да ладно стесняться-то, – улыбнулся Платов. – Молодец, хорошую разводку изобрёл. Можешь преподавателем работать. В институте Воровского местечко есть, факультет карманной тяги.

– Не, по карманам не наше.

– Ну, тогда кафедра театральных постановок. Как понты держать. Тут ты мастер.

– Я не волшебник, а только учусь, – хмыкнул мошенник.

– Ты скажи без протокола – не совестно старых людей обувать? У тебя родители ведь есть.

– Да я бы и их обул. Такие твари, я тебе скажу. Будь их воля, они б меня на внутренние органы продали.

– О муках совести тебе неизвестно.

– Какая совесть? Почему я кого-то жалеть должен? Меня кто жалел когда?

– Старики твою разводку как смертный приговор принимали. В таком возрасте такие стрессы можно и не пережить.

– Значит, судьба у них такая. – Мошенник заулыбался, настроение у него было далеко не удручённое. – Пожили – пускай другим дадут пожить. А мне деньги нужны.

– Молодец.

– Человек человеку лох... Ну чего ты меня так глазками буравишь? Мол, насквозь видишь, да?.. Ха, а встретиться мы на воле – так ты тоже бы лохом для меня стал. И гулял бы я на твои деньги, опер. Прикинь, на ментовские деньги в «Метелице» закрутился бы с травкой и коксом!

– Вряд ли. Лекарства дорого стоят, а тебе бы на них всю оставшуюся жизнь пришлось работать.

– Ну а хамить не надо, – нахмурился мошенник. – Я этого не люблю.

От такой наглости Платов на миг оторопел, а потом залепил ему ладонью в лоб. Основательно так, но без телесных повреждений – как учили. И с удовлетворением услышал от распростёршегося на полу мерзавца жалобный скулёж типа «дяденька, не бейте».

– Пустить бы тебя в расход, падлу. – Платов вздёрнул за шиворот тщедушного мошенника и кинул на стул. – Рука бы не дрогнула.

На работу по этой группе убили пару дней. С утра, вместо того чтобы воспользоваться законным «отсыпным днём», положенным по всем правилам после такой работы, Платов отправился на Житную.

Там Шведов сообщил ему новости:

– По Левицким. Машину их система «Поток» зафиксировала на Рублёвке пару раз. Мы посмотрели по детализации мобилы за последние месяцы – получается, у них там притяжение, к этой Рублёвке.

– И сколько мы ещё ждать можем? – спросил Платов. – День-два, неделю?

– Труба дело, – вздохнул Шведов. – Потерпевший в подмосковных лесах прячется, уже нервничать начинает. Руководство тоже нервничает – вроде уже всё спланировано, а реализация оттягивается. Чего предлагаешь?

– Пока мы только до Носорога дотянуться можем. На него доказухи выше крыши. Он возил. Перелицовывал. И под рукой.

– Кстати, он уже отлично знает, что под них копают. – Шведов открыл сейф и протянул сводку своему напарнику: – Глянь, до чего он договорился.

Платов наспех просмотрел отмеченные маркером абзацы. Похоже, Носорог беседовал с кем-то ушлым в юридических вопросах, возможно, с адвокатом.

«– Ну и пускай хоть Интерпол, хоть ФБР привлекают, – говорил Носорог.

– Картины-то правда фуфельные, – в ответ резонно замечал собеседник.

– Да ладно тебе. Какие фуфельные!

– Ой, ну со мной вот не надо этого... Я же знаю, что ты мазню эту покупал. И переделывал.

– Слушай моё веское слово. Купил я пейзажи этого Де ла Кура. Показал знающим людям. Они сказали, что это Киселёв. Неизвестный. Открытие, можно сказать. Знаешь, при советской власти западные художники стоили дороже, чем русские. Дипломаты тогда скупали русские картины, вывозили на Запад, там замазывали русские подписи и делали подписи своих художников. Мне оставалось только отмыть картины.

– И засияли подписи русских классиков! Уверен, что тебе поверят?

– А как же. Я прав. И ничего не боюсь».

Платов отодвинул сводки.

– Что значит – отмыл картины? – возмутился Шведов. – В ванной, шампунем и мочалкой?

– «Отмыть» у реставраторов – это убрать наносные слои и обнажить более ранние, подлинные. Но это всё бред. Экспертиза ясно даёт, что надпись Киселёва более поздняя. А вытравленная Де ла Кура – родная. Даже не парься.

Послышался звонок мобильного. Шведов взял трубку.

– Да, я, – закивал он. – Когда?.. Откуда звонили? Значит, здесь... Держите меня в курсе. Звоните в любое время.

Он со стуком положил телефон на стол, победно улыбнулся и сообщил:

– Группа контроля по «двоечке». Прослушка наша родная. Левицкая снова в эфире. Говорила с каким-то реставратором. Обещала в четырнадцать часов завтра на улицу Стасевича подвезти на реставрацию этюд Саврасова.

– Отлично!

– Ждём её там. Принимаем под наблюдение и укладываем в адрес. – Шведов отстучал на телефоне номер. – Григорич. Это Шведов... Помнишь, тему по антикварным барыгам. Надо завтра поработать. В адрес уложить... Я понимаю, что заказов полно и ты по террористам сейчас работаешь. Но у нас реализация срывается. Мы их приёмку готовим. А они у нас неизвестно где дохнут... Ладно. Конечно... Понял...

Положив трубку, Шведов вытер пот со лба:

– Уф, договорился. Волшебное слово для «наружки» – под реализацию.

– Реализация, – покачал головой Платов. – Уж не верится, что она будет.

– А куда мы денемся с подводной лодки! Будет...

* * *

Дом был огромный, сталинских времён, с архитектурными излишествами, и раскинулся на целый квартал. Одних подъездов была пара десятков, и в каждом строгие вахтёры.

Здесь располагался какой-то закрытый научно-исследовательский институт. И в этом секретном почтовом ящике на вполне законных основаниях расположились сотни офисов.

Оперативники появились там загодя. День был душный, похоже, что начинающееся лето будет жарким. На месте их ждали сотрудники оперативно-поискового бюро МВД России.

– Главная задача – засечь фигурантов, – сказал Шведов. – Провожаем до адреса. Неплохо узнать, к кому они здесь приедут.

– Ты говорил, они к реставратору какому-то идут, – заметил Алексей, старший «наружки», по виду – типичный работяга, совершенно неприметный. – Внутри нас не пустят. Нам запрещено в почтовых ящиках работать. И засечь фигурантов тоже непросто – смотри, сколько подъездов здесь. И народу как на Красной площади в Первомайскую демонстрацию.

– Леха, очень надо. Мы их принимать на днях будем. И не знаем, где шхерятся.

– Да я всё понимаю. Что можем, сделаем... На связи по мобиле. «Двойка» если информацию по телефонным переговорам объекта передаст, сразу мне сообщай. Как мы их засечём, я тебе звякну. – Алексей растворился во дворах, как будто и не было.

Потянулось время ожидания. Оперативники устроились на лавочке во дворе, откуда просматривалась часть фасада здания.

– Четырнадцать часов пять минут, – продемонстрировал Шведов мобилу.

– Сучьи дети, неужели не приедут?

Не появились Левицкие и в пятнадцать минут третьего. И в двадцать. И в половину.

Ещё через десять минут у Шведова завибрировал мобильник.

– Понял... Отлично... Держите меня в курсе. – Шведов сложил «раскладушку» и кивнул Платову: – «Двойка» сообщает, Ирина звонила реставратору. Сказала, что получает пропуск и поднимается с мужем.

– «Наружка» прошляпила.

– Получается. – Шведов отзвонился старшему группы: – Леха, по «двойке» прошло – они в здании. Попытайтесь их хотя бы на выходе срисовать. Они, скорее всего, будут с картиной.

– Какой подъезд?

– Без понятия!

В томительном ожидании прошло ещё полчаса. Оперативникам надоело скучать на лавочке, они вышли из скверика. Платов неожиданно остановился.

– Чёрт, вон они!

– Где?

– Второй подъезд. На ступенях.

Шведов кинул быстрый взгляд в ту сторону. На гранитных ступенях НИИ стояли двухметровый массивный верзила с упакованной в жёлтую бумагу картиной под мышкой и худая маленькая женщина, чуть ли не на две головы ниже его.

– Только не пялся на них, – сказал Платов.

Шведов набрал номер старшего группы:

– Лёша, они из второго подъезда вышли. Пересекают улицу и углубляются во дворы... Чёрт, сейчас исчезнут! Похоже, где-то там машину кинули.

– Не мельтеши, главное, – спокойно произнёс старший. – Мы их приняли. Не спрыгнут. Оперативникам оставалось только полностью положиться на искусство разведчиков.

Прошло несколько минут напряжённого ожидания. Потом Алексей сообщил по телефону:

– Мы их ведём. Они на чёрной «Ауди».

– Леха, за мной коньяк! – воскликнул Шведов.

– Ловлю на слове... Только бы в пробках их не потерять.

– Лёша! Две бутылки коньяка... Три! Помни об этом!..

* * *

С обысками следачиха что-то напутала – налепила в постановлениях технических ошибок, так что из Генпрокуратуры ей бумаги завернули. Когда она со второго захода подписала их у прокурорских, документы завернули уже из Мосгорсуда, потому что она в очередной раз что-то напортила. Так что на сегодняшний день судейской санкции на обыск не было.

– Ты уверен, что она не стажёр-дознатель из поселкового отделения? Она вообще дела расследовала?

– Достала! – воскликнул Платов, когда они вышли с очередного совещания в Следственном департаменте. – Камбала сушёная. Как думаешь, умышленно она тянет? – спросил Платов. – Или на самом деле такая дура, что бумаги подписать не может. Может, ведёт за нашими спинами переговоры о том, чтобы дело продать.

– Все может быть, – кивнул Шведов. – Я и не такое видел. Но пока явных признаков сдачи позиций не наблюдается.

– А Носорога разговор вспомни.

Платову не давала покоя сводка ПТП недельной давности. Носорог тогда сказал своему приятелю: «Я узнал. На нас вроде в СД роют. В СД МВД, да... Следовательно там такая есть. То ли Лукошкина, то ли Лукашина. Якобы у неё материал».

После этого разговора Носорог никаких признаков беспокойства не проявлял. Продолжал жить и готовиться к ежегодному всероссийскому антикварному салону в Центральном доме художника, который должен был состояться через несколько дней.

К антикварному салону готовились и Левицкие. В тот день «наружка» сумела их удержать и проводить до места обитания. К удивлению оперативников, беглые антиквары спокойно вернулись в адрес прописки. С утра направлялись к себе в галерею. Туда упаковывали картины, которые планировали выставить на Крымском Валу.

Кац нашептал, что Левицкие готовят массовый вброс фальшивок. На своём стенде в салоне они хотели разместить несколько картин и большую коллекцию фарфора и бронзы.

«Наружка» висела на хвосте Левицких ещё пару дней. Никаких важных контактов не выявили. Зато оперативное дело пополнилось забавными жанровыми сценами.

– Дорогой, я тебя не вижу, – ворковала Левицкая. – Тебя загородил какой-то противный самосвал.

– Дорогая, я тут, – отвечал её муж.

– Вот теперь вижу нашу милую машинку. Подъезжай поближе, дорогой. Я уже допиваю кофе.

– Жду, любимая.

Оказывается, у Левицкой в порядке вещей было на ужин найти ресторан пошкарнее, заказать там что-нибудь, в то время как одинокий муж, как водитель загулявшего начальника, терпеливо ждал её за рулём, меланхолично пережёвывая хот-дог.

– Он у неё как раб, – сказал Платов, вычитав очередную сводку. – Носильщик, телохранитель, пробивная сила и безвольная тварь.

– Удивительно. Как бабы умеют подавлять мужиков...

Неожиданно грянул гром среди ясного неба. На северо-западе Москвы террористка-смертница взорвалась, унеся с собой одиннадцать жизней ни в чём не повинных людей. Полицию привычно перевели на усиленный режим работы.

Тем временем в телефонных переговорах Левицкой начали звучать тревожные нотки. Она разговаривала со своим адвокатом, который консультировал и улаживал отношения с правоохранительными органами.

– Твои знакомые из полиции ничего не делают, – возмущалась Ирина.

– Они вернули тебе машину, картину и квартиру. Этого мало?

– Но Кононенко на свободе. Тут слухи доходят, что Цеховик решил в полицию обратиться.

– И бог с ним. Когда пишут друг на друга заявления, правым оказывается тот, кто успел написать раньше.

– Я нервничаю, понимаешь. Эта мерзкая тварь портит мою деловую репутацию. Антикварный салон на носу. И я должна поправить свои финансовые дела. Твои полицейские дорого берут.

– А может, проще отдать Цеховику деньги и разойтись?

– Деньги? Отдать? Никогда! – Это было сказано с фанатичной решимостью.

На следующий день Левицкие опять пропали из эфира. Один разговор у Ирины был, да и тот странный. Звонил её деловой партнёр. Она сказала, что не может сейчас говорить и все вопросы позже.

– Опять в подполье решили уйти? – раздосадованно произнёс Шведов, разукрашивая маркером очередную сводку ПТП из толстой пачки, разложенной на его столе. – Если Камбала не подготовит все документы в течение ближайших дней, я пишу рапорт на руководство министерства. Пускай проводят служебное расследование.

– Давно пора, – кивнул Платов.

У Шведова на столе затрезвонил городской телефон. Женский голос произнёс:

– Вас беспокоят из Главного управления на транспорте. Вы ставили на сторожевой контроль перемещения Левицких?

– Было такое. – Шведов писал транспортникам письмо с целью отслеживания передвижения фигурантов по железной дороге и авиатранспортом.

– Фигуранты на завтра взяли билет до Минска на 131-й поезд Москва – Брест. Отправление в двадцать три тридцать с Белорусского вокзала.

– Новость, однако... Вы нам очень помогли. – Шведов положил трубку и произнёс: – Всё-таки валить решили.

– Ну вот, началось в деревне утро!.. Значит, информация утекла, – скривился Платов.

– Да она вечно течёт, – сказал Шведов и витиевато выругался. – Не контора, а дуршлаг какой-то.

– Кто слил-то, интересно.

– Что не мы с тобой – факт. Скорее всего, со следствия или из прокуратуры. Если они сейчас разбегутся, дело, считай, загублено. Будешь по всему миру их искать. Надо их принимать. Сейчас докладываю начальству и едем в следствие.

Через полтора часа они были в Газетном переулке, в так хорошо знакомом тесном кабинете.

– Рано их задерживать, – скривилась Лукашкина. – У меня ещё обыски на подмосковный дом Омарова не готовы.

– Это уже не важно, – отмахнулся Шведов.

– Ну ладно, – нехотя согласилась следачиха. Похоже, ей было лениво сейчас участвовать в обысках, допросах, задержаниях. – Кто будет принимать участие в следственных действиях?

Обыскивать предстояло две галереи, две квартиры, реставрационный Центр Грабаря. Работы непочатый край. По тревоге подняли весь отдел ГУБЭПа МВД РФ, в котором работал Шведов. Платов задействовал пару оперов со своей конторы. Договорились с Минкультом о складе для хранения изъятых картин. Непосредственный руководитель Шведова сообщил, что коммерсанты обещали подогнать понятых и пару «Газелей» для перевозки изъятых.

Под штаб операции выделили актовый зал в Следственном департаменте в Газетном переулке. Там воцарилась многолюдная суeta, звонки, толкотня.

Шведов, сидящий за длинным столом, набрал номер начальника отдела скрытого наблюдения:

– Георгич, мы наших клиентов завтра ранним утром под приёмку готовим.

– Герман, ты чего?! – послышался в ответ возмущённый голос. – Ни одного экипажа нет! Мы сейчас все по терроризму работаем и экстремистам. Указание с самого верха.

– Георгич, хочешь, на колени встану? Нам их нужно завтра утром взять! Они валить готовятся.

– Вот чёрт. – Георгич задумался. – Хорошо. Пожалуй, смогу перекинуть с других объектов. И получу по шапке.

– Я тебе памятник возведу! Нерукотворный!

– Подожди радоваться. Одну бригаду могу круглосуточно. Вторую придётся на ночь снимать. У меня люди несколько суток без сна. За кем как выставляемся?

– Круглосуточно будем контролировать Левицких. Они валить решили. А Носорог ровно дышит. Никуда он не денется.

– Решили, – начальник отдела разведки дал отбой.

Через час одна бригада «наружки» выставилась около «Галереи классического искусства» на Остоженке. Другая отправилась к метро «Таганская» к гламурному ресторану «Гусятникофф», где, как следовало из прослушки, Носорог назначил деловую встречу. Остаётся только зацепить фигурантов. Этот вопрос был решён, и на листке плана Шведов поставил соответствующую отметку.

– Вот ещё, – сказал он. – Левицкий – здоровый, как бык. Нужно спецназ брать.

– Да ладно, – отмахнулся Платов. – И не таких брали.

– Тебе гладиаторские бои нужны? – возразил Шведов. – Пускай ласты клиентам крутят те, кому по службе положено. Тем более у Левицкого травматический пистолет есть и газовик. Может, и настоящий ствол заныкал.

– Хорошо, – поморщился Платов.

Ожидалась бессонная ночь. А может быть, и не одна. Реализация – это как чемпионат. Год тренируешься, а потом в одном броске должен выложиться и получить медаль.

В восемнадцать часов служба наружного наблюдения сообщила, что приняла Левицких, которые вышли из галереи и уселись в машину. Ещё через два часа из «Гусятникоффа» вылез поддатый Носорог.

В девять вечера в актовом зале собрали толпу оперов и следователей. Шведов, Платов и следачиха расположились за столом президиума.

Людей поделили по экипажам, старшим передали конверты с инструкциями и постановлениями.

– На телефоне в штабе остаётся группа – следователь и два оперативника, – завершил свою речь Платов. – На случай каких-либо непредвиденных ситуаций и для координации. Порядок сбора определяют старшие групп. Начинаем по сигналу. Ну что, с богом, ребята...

* * *

Чем хорошо ехать ранним утром – нет пробок. Редкие машины колятся по Москве, из них половина – полицейские.

Добрался Платов до точки randevу быстро. И увидел припаркованную у «Макдоналдса» «Ауди». Поздоровался со Шведовым и следователем. Потом подкатили два оперативника из ГУБЭПа, на ярко-красном «Ниссан Патрол».

– Ну что, боевая группа в сборе, – сказал Шведов. И, набрав номер старшего группы наружного наблюдения, осведомился: – Лёша, клиенты на адресе?

– Там, – сообщил Алексей. – В десять вечера приехали, да так и не вылезали.

– До встречи. Скоро будем.

Было уже полседьмого. А в семь оперативники выставились около адреса Левицких, рассредоточившись, чтобы не мозолить глаза.

– Может, раньше войдём? – предложил следователь, который вместе с Платовым и Шведовым устроился в просторном салоне «аудюхи».

– Нельзя, – возразил Шведов. – План по минутам рассчитан.

В семь десять позвонил старший группы «наружки», которая пасла подмосковный дом Носорога.

– Мы на выезде из посёлка, – сообщил он. – Мимо нас не проскочит.

– На вас вся надежда, – сказал Шведов и сложил мобильник.

– Ну, теперь остаётся ждать. – Платов поудобнее устроился на заднем сиденье и прикрыл глаза. Можно и расслабиться. Работы сегодня предстоит много. А пока не их время. За адресом присматривает «наружка». А оперативникам пока заняться нечем.

На Платова навалилась лёгкая дремота, перешедшая в сон. Ему было уютно и тепло. И совершенно не хотелось просыпаться.

Тут, как и полагается при проведении приличной операции, подошёл момент, когда первоначальные планы летят к чертям.

Встряхнул ситуацию звонок от группы контроля по телефону Носорога. Девушка с мелодичным голосом сообщила:

– Объект пятнадцать минут назад выходил на связь. Созванивался с телефоном 788-90-07. Сказал дословно «я сваливаю на просторы».

– Откуда территориально был звонок?

– Мы не определяем базовые станции. Это вам в другую службу нужно.

Шведов потряс Платова за плечо:

– Валер, проснись и пой. Враг у ворот. У нас балаган начинается.

Въехав в ситуацию, Платов угрюмо кивнул:

– Похоже, Носорог всё знает. Его кто-то предупредил.

– Сейчас главный вопрос – куда он валить будет.

– Со своей мультивизой сядет на любой самолёт до Европы. И пишите письма мелким почерком...

Один из главных штампов детективов – преступник скрывается, даётся приказ перекрыть все аэропорты, автовокзалы. Теперь предстояло выяснить, как это делается на практике.

Перво-наперво Шведов позвонил оперативнику, скучающему в штабе в Газетном переулке. Тот заявил, что понятия не имеет, кому и как звонить, и вообще он простой опер, по званию капитан, и никто его не поймёт, если он будет везде названивать.

Следующая попытка – звонок дежурному по МВД России.

– Да не могу я этого сделать! – Сидящий в дежурке полковник был не простым опером, но включил ту же музыку – мол, человек маленький, кто его слушать будет. – Бумагу пишите, тогда мы сможем что-то предпринять.

– Какую бумагу? Я в машине сию, преступников готовлюсь задерживать.

– А без письма мы что можем сделать?

Ещё полчаса Шведов поразвлекался, названивая разным должностным лицам и дежурным по различным учреждениям. Метался по заколдованному кругу. Пограницам тоже нужна бумага, да ещё с высочайшей подписью. Управление внутренних дел на транспорте готово поработать, естественно, тоже при наличии соответствующей бумаги, потому что снять с поезда или самолёта человека без основания прав у них нет. Но для начала надо найти, откуда он улетает. По системе «Розыск-Магистраль» не видно, что Омаров покупал куда-то билеты, так что, скорее всего, тревога эта ложная.

Под конец Шведов, захлопнув телефон, в сердцах выдал:

– Система ниппель. Хрен кого заставишь работать.

– Бог с ним, с Носорогом. – Платов похлопал по циферблату командирских наручных часов – они показывали уже восемь утра. – Пора Левицких брать.

Левицкие уже выпалились, готовы для разговора с правоохранительными органами. Пора начинать...

Просачивались сотрудники полиции в подъезд по одному – чтобы клиенты не заметили суеты. В результате на лестничной площадке скопилась целая толпа. Только бы тут не было замаскированной видеокамеры.

Спецназовцы были в гражданских куртках, но, как положено, в бронежилетах, с автоматами, средствами проникновения в помещение.

Платов, прислонив ухо к двери, прислушался и сообщил:

– Там они. Телевизор работает. Вода льётся. Как заходить будем?

– Отключим электричество – сами выскочат. А не поможет – дверь вынесем, – Шведов кивнул на скучающего в обнимку с кувалдой спецназовца.

Дверь была деревянная, и кувалда вполне подходила в роли отмычки.

Шведов щёлкнул выключателем на распределительном щите, и телевизор за дверью заткнулся.

Минуты две была тишина. Спецназовцы и оперативники, затаив дыхание, прижались к стенкам... Защёлкали замки. Нижний, верхний. Щеколда.

Дверь стала приоткрываться.

Спецназовцы рванули вперёд.

– Полиция! – самурайский крик во всю глотку, рассчитанный на то, чтобы у противника душа в пятки рухнула, а вместе с ней и способность к сопротивлению.

Подножкой Левицкого завалили на один вдох. Тот не успел понять, что происходит, а уже лежал с завёрнутыми руками, на запястьях – наручники. Рядом валялся газовик – всё-таки побоялся открывать дверь просто так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.